

— Карманные часы
Breguet & Fils,
золото, эмаль,
начало XX века

— Карманные часы
Breguet & Fils,
золото, эмаль,
начало XIX века

HUTTON ARCHIVE/GETTY IMAGES/FOOTBANK

— Карманные часы
Breguet & Fils,
золото, эмаль,
начало XIX века

— Карманные часы
«Дыня»,
Gide & Blondet Fils,
золото, эмаль, 1800

GETTY IMAGES/FOOTBANK

мустафа кемаль ататюрк,
основатель светской
турции, личным примером
насаждал европейский
этикет и костюм

что абсолютное большинство турок довольствовалось в лучшем случае двумя женами и хотя бы по бедности своей не имело никакой возможности дни и ночи проводить с ними в затейливой любовной игре под мелодичное журчание фонтана (и чтобы в воздухе сгустился аромат роз, перины были из гагачьего пуха, а чернокожие невольники равномерно взмахивали опахалами) — ходячее представление о нравах и любовном быте неверных было именно такое. Что делать, все слышали, что у падишаха сотни жен и наложниц, многие вдобавок читали восточные сказки с их действительно довольно непринужденным отношением к сексуальности. Фантастические насельники султанского сераля — томные, покорные, лениво-бесстыдные, гибкие, как змеи, и искусные в самых умопомрачительных ласках — были самым популярным предметом мужских непристойных грез не то что до конца XVIII века, а как минимум до конца самой Османской империи. Много шума надела в свое время история графа де Ферриоля, французского посла в Блистательной Порте, купившего на стамбульском базаре «прекрасную черкешенку» Гайде, самым буквальным образом помешавшегося от любви к ней, но успевшего сделать ее под именем Аиссе звездой парижских салонов эпохи Регентства. В этой коллизии, как в зеркале, отразились и пресыщенная тяга рококо к восточной экзотике, и занимавшая людей эпохи Просвещения проблема нравственного соотношения европейской цивилизации и «дикого» Востока. Неудивительно, что вполне реальные события стали сюжетом для вполне популярного романа — «Истории одной гречанки» аббата Прево (1740). Но турецкий и вообще восточный колорит с удовольствием использовали и сочинители гораздо более фривольного толка — вроде известного утонченной скабрзностью своих повестей Кребийона-сына. Даже на титульном листе таких книг издатели, опасаясь цензуры, проставляли смехотворно-ориентальные выходные данные: «В Константинополе», но и «в Нагасаки», «в

Агре», «в Гоа». Книжки эти могли описывать будуарные похождения европейских петиметров, но и тогда в качестве арены для решающей любовной битвы наверняка должна была возникнуть какая-нибудь оттоманка или софа — этой закономерности не избежали и созданные на закате XVIII века «Опасные связи» Шодерло де Лакло. В этом эротизме условно турецкого колорита задавали толк французы, что, пожалуй, совершенно естественно. Как удержаться, если страной правит Людовик XV, чей «Олений парк» странно не уподобить гарему, и если мадам де Помпадур чуть ли не в глаза называют «любимой султаншей» — и именно в виде султанши она позирует Шарлю ван Лоо. Однако это все Франция, от границ которой до Турции ехать и ехать; а что же другие страны, те, которым и в XVIII веке приходилось с Османской империей не только граничить, но и напрямую конфликтовать? И они не исключение. Польский король Станислав Лещинский строил парки с турецкими «киосками», другой король Польши, Август III (он же курфюрст Саксонский), собирал турецкое оружие и по части «турецких праздников» перешеголял, кажется, всех своих коронованных коллег. В России второй половины столетия, казалось бы, полагалось думать только о том, чтобы изгнать всякое воспоминание об исламском иге с отвоеванных у Турции земель, а в перспективе и восстановить «царство Греческое». И все равно в Царском Селе появлялся «Турецкая баня». Какой бы ни имелся в виду при каждом конкретном случае подтекст, серьезно-триумфальный или сиюминутно-фривольный, «тюркери» претендовала на то, чтобы быть универсальным языком. Брошенные этой модой зерна потом, в XIX веке, прорастут в совсем другой ориентализм — более осведомленный, более пряный, более дотошный и более имперский. Но все-таки и ему не перебить неподражаемого впечатления от всей этой потешной европейской «Турции» XVIII века, причудливой, наивной, но обаятельной и, что самое главное, ироничной.